

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ РОССИИ: “ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА” РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ СССР НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК*

Аннотация: В статье проанализированы основные черты созданного на Дальнем Востоке в начале 1920-х годов вашингтонского механизма регулирования глобального порядка и региональной безопасности, нацеленного на сохранение статус-кво – уже сложившихся геополитических реалий, выявлены причины его хрупкости и недолговечности. Сделан вывод о том, что статичную региональную систему взорвала не Япония, а бывший пространственно неопределённый фантом и геополитический изгой – большевистская Россия. С ликвидацией марионеточной Дальневосточной республики и провозглашением Советского Союза принципиально изменилось и содержание: возникла новая геополитическая данность. Отныне любая дальневосточная континентальная политика – японская, американская или какая-то ещё – могла базироваться либо на признании и сотрудничестве, либо на соперничестве и конфронтации с СССР. Становилось невозможным формально продолжать игнорировать фактор новой России – СССР как третьего регионального лидера.

Ключевые слова: Вашингтонская конференция 1921-1922 гг., большевистская дипломатия, Дальневосточная республика, образование СССР, японо-американские отношения.

Итоги Вашингтонской конференции по морским вооружениям и дальневосточным региональным проблемам (12 ноября 1921 г. – 6 февраля 1922 г.) стали свидетельством не столько тактического триумфа Америки над Японией, сколько победы американского бизнеса над американскими же военными. Наступила так называемая эпоха “просперити” (1922–1928 гг.) – время экономического бума в США, сделавшего возможным благодаря невиданной прежде активности американского бизнеса на мировых рынках, в особенности дальневосточном, и поощрению этой активности республиканскими администрациями Уоррена Гардинга (1921–1923 гг.) и Кальвина Кулиджа (1923–1924 гг. и 1925–1928 гг.).

Символом тесного альянса бизнеса и политики стал Герберт Кларк Гувер (1874–1972), в 1921–1928 гг. бесменно занимавший ключевой в этом альянсе пост министра торговли США. Преуспевающий крупный бизнес эры “просперити” окрестил его “великим организатором” американской экономики, обеспечив выдвигание Гувера летом 1928 г. кандидатом от республиканской партии в президенты США. Звёздный час Г. Гувера пробил в том же году: он одержал победу на президентских выборах с внушительным отрывом от соперника. В марте 1929 г. гуверовская администрация вступила в Белый дом [1].

Кстати, большевистская дипломатия в 1922 г. (а в последующем и советская историография) излишне оптимистично (и совершенно искажённо) восприняла результаты Вашингтонской конференции. Они подавались как свидетельство резкого обострения “межимпериалистических” противоречий между США и Японией. Утверждалось, что именно Вашингтонская система заложила основу для последующего военного столкновения между Японией и США.

Историографическая традиция оказалась столь живуча, что и теперь господс-

* © Азаренков А.А.

твует унаследованное с советских времён мнение о том, что подписанный 6 февраля 1922 г. в Вашингтоне “Договор пяти держав” об ограничении морских вооружений установил выгодное для США и неприемлемое для их главной соперницы соотношение морских сил, которое Япония приняла лишь вынужденно [2]. Известный специалист по геополитике и “антиатлантист” по убеждениям Карл Хаусхофер, подогревая японские антизападные настроения и амбиции к экспансии в тихоокеанском бассейне, в своё время тоже заявлял, что Вашингтонская конференция была для Японии тем же, чем Версальская для Германии [3].

Любопытно, что в то же время американская, да и в целом западная историография на основе анализа документов из американских архивов, напротив, оценивала период американо-японских отношений, начиная с 1922 г. (и, по крайней мере, до 1924 г. включительно), едва ли не как их “медовый месяц” – время расцвета экономического сотрудничества между США и Японией [4].

Справедливости ради необходимо отметить, что заключённый в Вашингтоне договор о политических и территориальных гарантиях для поддержания нового регионального порядка (т.н. “Договор четырёх держав”) подписывался сроком на 10 лет, определяя предельную границу жизнеспособности “вашингтонской системы” началом 1930-х гг. [5]. Фактически это был региональный пакт 10-летней стабильности, создававший в ближней перспективе политико-правовую основу и механизм для регулирования глобального порядка в Восточной Азии, нацеленного на сохранение статус-кво – уже сложившихся геополитических реалий. Традиционная блоковая политика, провоцирующая недоверие между державами и скомпрометированная своей неэффективностью, приведшей в итоге к мировой войне, отбрасывалась как устаревшая. Так, принятые ограничения тоннажа флотов США, Великобритании и Японии завершали эпоху, когда Британия неоспоримо являлась ведущей морской державой, а значит, делали неосуществимыми надежды Японии на возможность использования стратегического альянса с ней в качестве противовесия американским усилиям заблокировать японскую экспансию на континенте, чтобы лишить Японию стратегического сырья.

Создание многосторонней основы международного регулирования в регионе оформляло принцип партнёрства великих держав на основе коллективных гарантий и должно было создать гораздо более надёжную, нежели блоковая система, основу для устойчивости региональной подсистемы. Таким образом, Запад и, в частности, США в теории получали коллективный инструмент воздействия на политику Токио, который должен был помешать возможному превращению Японии в экспансионистскую державу.

При всех противоречивых историографических оценках “вашингтонской системы” всё же вряд ли справедливо утверждение, что она, унижая Японию, изначально сама по себе создавала конфликтный потенциал, чреватый войной на Тихом океане. Наоборот, это был, пожалуй, единственно возможный в тогдашних условиях механизм, способный нейтрализовать японо-американские противоречия. Другое дело, насколько эффективным оказывался такой механизм на практике, тем более в дальней перспективе.

Гораздо более артикулированная, чем прежде, антияпонская позиция США и держав в Вашингтоне в значительной степени предопределила ужесточение линии буферной дэвээровской (а фактически – советской) дипломатии на переговорах с Японией в Дайрене и Чаньчуне об условиях японской эвакуации с территории российского Дальнего Востока и дальнейших перспективах советско-японских отношений.

Так, 24 ноября 1921 года Политбюро ЦК РКП (б) утвердило предложение нарко-

миндел РСФСР Г.В. Чичерина о “максимальном затягивании” переговоров в Дайрене в качестве дипломатической тактики с тем, чтобы иметь возможность “обождать” результатов Вашингтонской конференции [6]. При этом Москва имела в виду, что Япония, так или иначе, но неизбежно должна будет в самом ближайшем будущем предпринимать шаги по организованному отступлению из России, с тем, однако, чтобы её эвакуация всё-таки не походила на откровенное бегство.

Результаты конференции в полной мере оправдали ожидания большевистского руководства, хотя, как известно, официально РСФСР (и её сателлита – буферную ДВР), в Вашингтон не пригласили. Реакция Москвы на решения конференции последовала незамедлительно.

Так, вряд ли можно считать простым совпадением, что именно в марте–апреле 1922 г., сразу после завершения Вашингтонской конференции, ДВР отклонила возможность подписания уже скорректированных условий договора с Японией в Дайрене под предлогом того, что этот договор по-прежнему не фиксировал дату окончательного вывода японских войск с территории российского Дальнего Востока. В сентябре того же года в Чаньчуне (когда конкретная дата эвакуации японской стороной уже была названа) снова не удалось достичь никакого соглашения о нормализации отношений: японцы хотели исключительных экономических преимуществ (в пику Америке) по рыболовству, лесоразработкам и нефтедобыче в обмен на Северный Сахалин и дипломатическое признание. Чита и Москва, со своей стороны, требовали предварительного признания, а лишь затем соглашались на переговоры по экономическим вопросам, впрочем, без гарантии каких-либо преференций в пользу Японии.

После завершения эвакуации японских войск и соблюдения ряда приличествующих для внешнего мира демократических формальностей 15 ноября 1922 г. постановлением ВЦИК РСФСР марионеточная Дальневосточная республика официально была ликвидирована, а регион вошёл в состав РСФСР. Любые переговоры с сопредельными государствами, имевшими экономические и прочие интересы на Дальнем Востоке, теперь возможно было вести только напрямую, с Москвой.

А 30 декабря того же года большевистский режим декларировал образование Советского Союза, собранного из нескольких (пока не всех) осколков бывшей Российской империи. Это был не просто формальный акт рождения новой империи. Принципиально изменилось также и содержание: возникла новая геополитическая данность. Отныне любая континентальная политика, будь то японская, американская или какая-то ещё, могла базироваться или на признании и сотрудничестве, или на соперничестве и конфронтации с СССР. Иначе говоря, более просто игнорировать фактор новой России как очевидную реальность, а не некий прежний пространственно неопределённый идеологический фантом становилось просто невозможно.

Тем не менее, рождение СССР адекватно восприняли далеко не сразу и не все мировые державы. Решая задачу восстановления своих геополитических позиций, большевистский режим нуждался в формализации своего нового статуса, форсируя процесс своего официального признания со стороны как Соединённых Штатов, так и Японии.

Что касается Японии, то это знаменательное событие произошло 20 января 1925 г., когда после трудных и долгих переговоров две державы подписали в Пекине Конвенцию об основных принципах взаимоотношений СССР и Японии, закладывавшей базу долгосрочных связей между двумя странами, в том числе последующего соглашения о японских концессиях на территории советского Дальнего Востока. Японцы хотели быть и стали первыми, кто, в полном смысле, прорвался в регион. Они рассуждали вполне прагматично: если захватить российский Дальний Восток силой не

удалось, можно и нужно сделать его доступным другим, мирным путём, через экономическую активность японского капитала. Тем более, что в эти же годы США активно и напористо вытесняли Японию с китайского экономического пространства, тем самым вольно или невольно подталкивая её в советские “объятия”. (Занимательная история о деталях переговоров, их формальных и неформальных участниках, а также реализованных и так и не сбывшихся перспективах советско-японских отношений приведена в обстоятельно фундированной монографии блестящего российского японоведа В.Э. Молодякова) [7].

Совсем иначе дело обстояло с США. Решения Вашингтонской конференции, нацеленные на сохранение статус-кво в регионе, фактически игнорировали большевистскую Россию (а затем и СССР) как региональную державу, равноправного участника “вашингтонского порядка”, превращали её (вместе с тогда действительно фантомным геополитическим пространством – Китаем) в изгоя дальневосточной политики, поскольку исключали эту же геополитическую реальность и её набравшую ускорение динамику.

Очевидно неестественная и временная для разорванного продолжительной российской революционной смуты евразийского пространства ситуация, согласно замыслу вашингтонских “архитекторов”, должна была законсервироваться как минимум на целое десятилетие [8]. Однако уход Японии с российской территории значительно снизил интерес Америки к русским делам, и оптимистичные надежды Москвы на динамику в отношениях двух стран и скорое признание де-юре своего нового регионального статуса со стороны США не оправдались. Администрации республиканцев, изолируя СССР, предпочли не замечать его интересы на Дальнем Востоке, по сути замораживая его потенциальные возможности как самостоятельного игрока и исключая их из геополитического баланса сил в регионе. Подобная политика, как бы её не называли американские политики Дж. Ф. Кеннан (“умеренность и терпение”), Р. Лэнсинг (“наблюдение и выжидание”), Б. Колби (“непризнание”), пожалуй, всё же слишком долго конструировала искусственную реальность, чтобы оставаться реалистичной [9]. К тому же, создав “вашингтонский порядок”, США обратились к внешнеполитическому изоляционизму: их интерес к региону оказался узконаправленным, утилитарным и пассивным [10].

Столь вопиющая геополитическая близорукость Америки в отношении СССР превратилась в одну из основных причин, обусловивших изначальную хрупкость, последовавший на рубеже 1920–1930-х годов кризис, а в последующие несколько лет и развал “вашингтонского порядка”. Не столько запоздалой попыткой наверстать упущенное, сколько принятием произошедшего распада как свершившегося факта стало признание де-юре и установление дипломатических отношений СССР и США в ноябре 1933 г. Влияние военных на американскую политику снова возросло с завершением эпохи процветания в США, начавшейся экономической депрессией и вызванным ею упадком американской внешней торговли, а также растущими опасениями Америки, связанными с активизацией японской экспансии в Китае.

И США, и СССР рассчитывали взаимно заручиться поддержкой друг друга теперь уже не просто в сдерживании амбиций Японии: противоречия между Японией и США, с одной стороны, и между Японией и СССР – с другой были столь острыми, что могли разрешиться в конечном итоге только военным столкновением. Понимание неизбежности войны объективно включало задачу борьбы с японской агрессией в сферу актуальной внешней политики как Москвы, так и Вашингтона, делая Токио их общим противником, а их самих постепенно подталкивало к поиску путей формирования антияпонского военного альянса. Неудивительно, что в данном случае именно

военные, а не дипломаты (как бывает обычно) инициировали процесс сближения двух стран, включая решение об установлении официальных отношений. Причём это были военные именно обеих стран [11].

Официальное признание Советского Союза сначала Японией, а затем и США закрепляло за ним статус третьего регионального лидера, с которым как с равным партнёром соглашались считаться две другие региональные державы. Вялый и статичный “вашингтонский порядок”, уже испытывавший удары от японской агрессии в сентябре 1931 г. и в начале 1932 г., провозглашения буферного государства Маньчжоу-го в марте 1932 г. и, наконец, полной аннексии Маньчжурии к концу того же года, показал свою полную несостоятельность [12]. Следующий, 1933 год можно с полным на то основанием считать рубежом окончательного восстановления утраченных Россией полутора десятилетиями ранее геополитических позиций в дальневосточном регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Подробнее о Г. Гувере см.: Азаренков А.А., Азаренкова Н.Н. АРА и контакты большевистского режима с США // Человек, общество и культура: проблемы исторического развития. Мат-лы научно-практической конф. Комсомольск-на-Амуре, 2005. Ч. II. С. 3-8.
2. См., например: Дипломатический словарь. М., 1984. Т. 1. С. 174.
3. Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. С. 181.
4. Фукс М.В. Планы сине-оранжевой войны и первые шаги российско-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке // Электронный ресурс: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p4.shtml.
5. Системная история международных отношений. 1918–2000. В 4 т. М., 2000. Т. 1: 1918–1945. С. 145.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (Москва; далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 234. Л. 1.
7. Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров... С. 197-269.
8. Подробнее о Вашингтонской конференции и последствиях создания “вашингтонского порядка” в регионе см.: Системная история международных отношений ... С. 143-150.
9. Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 394.
10. Детальный обзор американских интерпретаций политики изоляционизма в 1920-е годы, её причин и последствий см.: Соколов Н.Н. Американские буржуазные авторы о влиянии изоляционизма на дальневосточную политику США в 20-е гг. // Исторические и историографические вопросы внешней политики империалистических государств. Сб. ст. под ред. С.С. Григорьевича. Томск, 1987. С. 113-131.
11. Фукс М. Планы сине-оранжевой войны... // Электронный ресурс: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p1-4.shtml. См. также: Севостьянов Г.Н. Послы вручают верительные грамоты. Установление советско-американских дипломатических отношений в свете новых документов // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 16-35; Севостьянов Г.Н. Миссия М.М. Литвинова в Вашингтон в 1933 году. Новые материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 148-175; Почтарёв А.Н. О советско-американских военных контактах перед Второй мировой войной // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 6. С. 35-43.
12. Подробнее об отношениях СССР и США и влиянии на их динамику фактора японской экспансии в Восточной Азии см. монографию: Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001.

A. Azarenkov

THE GEOPOLITICAL CHALLENGE OF RUSSIA: THE “WASHINGTON SYSTEM” OF REGIONAL STABILITY AND THE RETURN OF THE USSR TO THE FAR EAST

Abstract: The article gives analysis of the basic characteristic features of the created in the Far East in the early 1920's Washington mechanism of regulation of the global order and regional safety, which was aimed at the “status quo” preservation – the established geopoliti-

cal realia, the reasons of its fragility and short life were also brought to life. The conclusion was made that the static regional system hadn't been exploded by Japan, the one to blame was a former "disoriented in space" phantom and a geopolitical "pariah" – a Bolshevik's Russia. With the liquidation of the puppet Far-Eastern Republic and declaration of the Soviet Union there came a principal change in the contents: there appeared a new geopolitical phenomenon.

Henceforth any Far-Eastern "continental policy" – Japanese, American or the like could be grounded either on the recognition and cooperation or rivalry and confrontation with the USSR. It was becoming impossible to keep ignoring formally the factor of a new Russia the USSR as the third regional leader.

Key words: The Washington conference 1921-1922, Bolshevik diplomacy, Far East republic, formation of the USSR, Japanese-American relations.